Конкретизация норм об исполнении обязательств, возникающих из корпоративных договоров, в условиях цифровой экономики

ЕФИМОВ Анатолий Викторович, старший преподаватель кафедры гражданского права, заместитель декана очного юридического факультета Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук

Россия, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69

E-mail: av_efimov@inbox.ru

В статье рассматриваются проблемы конкретизации права, которое нацелено на регулирование договорных отношений, складывающихся в контексте построения цифровой экономики. В частности, данные отношения характеризуются применением технических средств, которые позволяют исполнять договорные обязательства автоматически, без непосредственного участия человека (смарт-контракты). Поскольку автором исследуются обязательства, возникающие из корпоративных договоров, проблематичным видится принятие специальных норм не только на уровне Гражданского кодекса Российской Федерации, но и на уровне отдельных законов о юридических лицах, что охватывается понятием конкретизации права.

Цель исследования — выработать научно-теоретические положения о факторах и дальнейших направлениях конкретизации норм об исполнении корпоративных договоров в условиях цифровой экономики. Задачи исследования: оценить влияние цифровизации на исполнение обязательств, возникающих из корпоративных договоров; выявить специфику корпоративных договоров и показать преимущества применения к ним конструкции смарт-контракта; обозначить основные направления конкретизации норм об исполнении корпоративных договоров в условиях цифровой экономики.

Методы исследования: общенаучные (системный, функциональный, дедукция, индукция, анализ, синтез и т. д.) и специальные юридические (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования).

Вывод: конкретизация права в части регулирования исполнения обязательств, возникающих из корпоративных договоров, в условиях цифровой экономики обусловлена как новыми технологиями, так и спецификой самих отношений, вытекающих из указанных договоров. Необходимо введение специального регулирования исследуемых отношений как на уровне Гражданского кодекса Российской Федерации, так и на уровне отдельных законов, касающихся: функционирования оракулов; определения круга необходимых и возможных правовых последствий, связанных с исполнением обязательств, возникающих из корпоративных договоров; формирования единой системы раскрытия сведений о юридических лицах.

Ключевые слова: конкретизация права, исполнение обязательств, цифровая экономика, корпоративный договор, смарт-контракт.

Для цитирования: Ефимов А. В. Конкретизация норм об исполнении обязательств, возникающих из корпоративных договоров, в условиях цифровой экономики // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 52—64. DOI: 10.12737/jrl.2020.080

Исполнение договорных обязательств осуществляется в определенном социокультурном контексте, который предопределяет правовое регулирование общественных отношений. По справедливому замечанию А. И. Савельева, «договорное право на всем протяжении своего развития претерпевало существенные изменения, многие из

которых были продиктованы появлением новых технологий и новых видов экономических отношений»¹. В настоящее время правовое регулирование исполнения договорных

¹ Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 40.

обязательств осложняется развитием цифровой экономики, характеризующейся ростом цифровых технологий, появлением смарт-контрактов, которые позволяют исполнять обязательства автоматически при наступлении определенных обстоятельств. В сфере осуществления корпоративных прав актуализируется как в целом возможность функционирования децентрализованных автономных организаций (ДАО), основанных на блокчейне и смарт-контрактах², так и возможность применения смарт-контрактов в отдельных отношениях, например при продаже акций³. Как представляется, потенциал смарт-контрактов позволяет применять их к корпоративным договорам, т. е. договорам об осуществлении корпоративных прав (см. ст. 67² ГК РФ). Вместе с тем для применения смарт-контрактов необходимо оценить социально-экономические предпосылки и правовое регулирование.

Говоря об экономических предпосылках и востребованности смарт-контрактов при заключении корпоративных договоров, можно полагать, что смарт-контракт будет экономически обоснованным для участников, если затраты на его

программное обеспечение будут меньше, чем возможные убытки от неисполнения корпоративного договора. Оценивая экономическую целесообразность применения смарт-контрактов в области корпоративных договоров (shareholders' agreements), зарубежные исследователи указывают на два основных преимущества, которые связаны, во-первых, со снижением затрат на мониторинг исполнения обязательств, так как смарт-контракт автоматически реагирует при получении определенных данных, особенно когда речь идет об условиях голосования и продажи акций; во-вторых, с тем, что смарт-контракт способен уменьшить оппортунистическое поведение сторон, препятствуя их уклонению от исполнения обязательства⁴. Заметим, что применение смарт-контрактов в области корпоративных договоров может быть востребовано не только сторонами договора, но и обществом в целом, поскольку любые заинтересованные лица смогут получать неконфиденциальную информацию о корпоративных договорах и последствиях их исполнения в режиме реального времени, не дожидаясь внесения данных в информационные ресурсы «вручную».

В свою очередь, создание правовых основ применения смарт-контрактов к корпоративным договорам сопровождается рассуждениями о роли права в регулировании общественных отношений, которые основаны на новых технологиях, о возможности и необходимости специального регулирования отношений, которых предполагают автоматическое наступление последствий⁵. При рассмотрении смарт-

² Несмотря на то что в 2016 г. первая ДАО по причине информационной незащищенности подверглась хакерской атаке, идея создания подобных организаций остается актуальной. Исследователи пишут, что не стоит слишком быстро отказываться от ДАО, поскольку организации, основанные на новых технологиях, постепенно приходят на смену традиционным. См.: Fenwick M., Vermeulen E. P. M. The Lawyer of the Future as “Transaction Engineer”: Digital Technologies and the Disruption of the Legal Profession // Legal Tech, Smart Contracts and Blockchain / ed. by M. Corrales, M. Fenwick, H. Haapio. Springer Nature Singapore Pte Ltd., 2019. P. 258.

³ См.: Corrales M., Fenwick M., Haapio H. Digital Technologies, Legal Design and the Future of the Legal Profession // Legal Tech, Smart Contracts and Blockchain... P. 5.

⁴ См.: Magnier V., Barban P. The potential impact of blockchains on corporate governance: a survey on shareholders' rights in the digital era // InterEuLawEast. 2018. Vol. 2. P. 214.

⁵ См.: Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 96—98.

контракта, с одной стороны, можно полагать, что новые технологии не отменяют существование договора. В связи с этим допустимы ссылки на свободу договора (ст. 421 ГК РФ), дополнительные ограничения которой не требуются в связи с развитием технологий. С другой стороны, любое понятие имеет свои границы и может быть полноценно осмыслено лишь с учетом этих границ, что применимо и к свободе договора, рассматриваемой в условиях ее границ, т. е. несвободы. В частности, К. И. Забоев приходит к выводу, что «государство с помощью законов очерчивает сторонам договора “сектор свободы”, тем самым создавая такую свободу для них, и внутри предоставленного им сектора стороны свободны от каких-либо принуждений и защищены от них законами государства»⁶. Из этого следует, что содержание свободы договора может быть определено только при условии определения ее границ, существование которых обусловлено правом. В этом смысле свобода договора определяется правовым регулированием и априори ограничена правом. Учитывая необходимость обеспечения свободы от принуждений, защищенности сторон в «секторе свободы» договора в условиях цифровой экономики, право должно определять границы договорного регулирования отношений, основанных на новых технологиях, более конкретно в отличие от общих правил, которые рассчитаны на традиционное исполнение обязательств. В связи с этим свобода смарт-контрактов как самоисполнимых договоров может быть расширена или, наоборот, ограничена относительно традиционных договоров. В качестве аналогии можно привести пример специального регулирования предпринимательских обязательств, которым свойственно дерегулирова-

ние⁷, что существенно отличается от регулирования обязательств без участия предпринимателей.

Выработка и принятие специальных норм, регулирующих отношения, которые основаны на новых технологиях, охватывается понятием «конкретизация права», под которым понимается «объективный процесс восхождения от абстрактного, менее определенного права к праву в большей степени определенному, характеризующийся выработкой уполномоченными правотворческими органами или лицами более детальных, уточненных и т. д. прежде всего специальных принципов и норм права в иных формах национального и (или) международного права, имеющих меньшую юридическую силу»⁸. Если говорить про нормы об автоматическом исполнении обязательств из корпоративных договоров, то в изменении нуждается не только ГК РФ, содержащий общие нормы об обязательствах и договорах, но и специальные законы о юридических лицах, поскольку в них закреплены особенности исполнения обязательств именно из корпоративных договоров, а также законы, регулирующие информационную инфраструктуру деятельности юридических лиц и их заинтересованных лиц. При этом работа по изменению норм ГК РФ и внедрению конкретизирующих норм специальных законов предполагает теоретическую проработку вопросов о применении смарт-контрактов к корпоративным договорам.

Раскрытие потенциала смарт-контракта при осуществлении корпоративных прав позволяет переосмыслить первоначальное упрощенное его понимание. Считается,

⁶ Забоев К. И. Принцип свободы договора в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 131.

⁷ См.: Кирпичев А. Е., Кондратьев В. А. Предпринимательское право: курс лекций. М., 2017. С. 89 (автор параграфа — А. Е. Кирпичев).

⁸ Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М., 2018. С. 336—337.

что понятие смарт-контракта впервые было введено Н. Сабо. Для иллюстрации действия примитивного смарт-контракта он приводил в пример механизм торгового автомата, который выдает товар при наступлении определенных обстоятельств — ввода номера товара и оплаты. Вместе с тем основное определение смарт-контракта связывалось с компьютерными технологиями. Как писал Н. Сабо, умный договор (смарт-контракт) является компьютеризированным протоколом транзакций, который выполняет условия договора⁹. Зарубежные исследователи Г. Оливер и Б. Джаккард также отмечают, что умный договор представляет собой программное обеспечение, компьютерный код которого связывает двух или множество лиц наступлением предопределенных последствий, записи о которых хранятся в распределенном реестре¹⁰.

Отечественные ученые в основном придерживаются аналогичных подходов. Так, Л. Г. Ефимова и О. Б. Сизимова полагают, что «смарт-контрактом называется компьютерная программа (или компьютерный код), которая может быть заключена только с использованием технологии blockchain и позволяет автоматически заключать, исполнять и прекращать различные договоры по наступлении заранее установленных юридических фактов»¹¹. А. И. Савельев пишет, что «смарт-контракт — это договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе блокчейн, который

обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств»¹². В данном направлении рассуждает А. А. Волос, делая акцент на специфике формы договора: «Смарт-контракт представляет собой особую форму договора (электронная форма на основе специального программного кода) и предопределяет специфику порядка и способов заключения договора, осуществления прав и исполнения обязанностей сторон, прекращения договорных отношений»¹³. Как видно, в приведенных определениях смарт-контракта нет единого подхода к формулировке родового понятия, что обусловлено многозначностью понятия «договор»¹⁴. Несмотря на это, в научных трудах зарубежных и отечественных исследователей имеются некоторые точки соприкосновения: 1) акцентировано внимание на особой форме договора (электронная форма, компьютерный код); 2) отмечается автоматический характер исполнения обязательств при наступлении определенных обстоятельств; 3) указывается на использование технологии распределенного реестра (blockchain), в рамках которого возможно существование смарт-контрактов.

Вместе с тем последняя характеристика является спорной, на что обращалось внимание в аналитическом обзоре Центрального Банка РФ: «Смарт-контракты не обязательно должны быть связаны с технологией распределенных реестров, цифровыми валютами или

⁹ См.: Szabo N. Smart Contracts. URL: <https://web.archive.org/web/20011102030833/http://szabo.best.vwh.net:80/smart.contracts.html> (дата обращения: 12.06.2019).

¹⁰ См.: Olivier G., Jaccard B. Smart Contracts and the Role of Law // Jusletter IT 23. November 2017. P. 4

¹¹ Ефимова Л. Г., Сизимова О. Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1.

¹² Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 99.

¹³ Волос А. А. Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 5.

¹⁴ См.: Кондратьев В. А. Заключение договора // Российское правосудие. 2016. № 1. С. 19.

отсутствием посредника»¹⁵. Представляется, что существование смарт-контрактов обусловлено их спецификой как самоисполняемых договоров (поэтому их называют «умные»). В связи с этим технология «блокчейн» лишь определенным образом и с определенной степенью надежности гарантирует самоисполнение договора при наступлении определенного обстоятельства, однако гарантии самоисполнения может достигаться и за счет иных технических возможностей, которые могут появляться в будущем.

Научные разработки функционирования самоисполняемых договоров предопределили содержание законодательной работы по введению термина «смарт-контракт» в нормативные правовые акты. В частности, в проекте федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» под смарт-контрактом предлагалось понимать «договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств»¹⁶. Однако в такой редакции проект не был принят.

При этом в целях развития цифровой экономики и специального регулирования отношений, вытекающих из смарт-контрактов, Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ ст. 309 ГК РФ была дополнена следующим абзацем: «Условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно

выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки». Из пояснительной записки к проекту данного закона следует, что дальнейшая законодательная работа по регулированию смарт-контрактов на уровне как ГК РФ, так и других законов не предполагается, за исключением закрепления признаков децентрализованной информационной системы в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁷. Представляется, что такой подход, как минимум, не учитывает специфику отношений, возникающих из корпоративных договоров, регулирование которых осуществляется на уровне как ГК РФ, так и отдельных законов о юридических лицах, что затормозит конкретизацию норм об исполнении обязательств из корпоративных договоров. При таком подходе правовым регулированием не будут охватываться особенности заключения договора и наступления правовых последствий в результате автоматического исполнения корпоративного договора.

Во-первых, для того чтобы исполнение обязательств, возникающих из корпоративного договора, происходило автоматически, компьютерная программа должна понимать, что определенное обстоятельство, с которым связано исполнение, наступило. При этом наступление правовых последствий может быть обусловлено наступлением не только одного обстоятельства, но и нескольких. Например, последствия будут возникать не только при наступле-

¹⁵ Аналитический обзор по теме «смарт-контракты». М., 2018. С. 3.

¹⁶ Редакция, принятая ГД ФС РФ в первом чтении 22 мая 2018 г.

¹⁷ Пояснительная записка «К проекту федерального закона “О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации”» (проект федерального закона № 424632-7). URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/> (дата обращения: 26.03.2018).

нии какого-то события, но и при наличии волеизъявления заинтересованной (управомоченной) стороны, т. е. возникновение правовых последствий будет обусловлено сложным юридическим составом. В связи с этим необходимо подчеркнуть особенности правового регулирования функционирования оракулов — систем, которые интерпретируют внешние источники информации и проверяют выполнение условий договора¹⁸. Дело в том, что если в традиционных договорных отношениях контроль за надлежащим исполнением контрагентом его договорных обязанностей возлагается на стороны¹⁹, то в смарт-контрактах компьютерная программа иницирует и одновременно контролирует исполнение, что снижает издержки сторон. Однако под влиянием социокультурного контекста в России, как и во многих других правовых системах, в договоры включаются оценочные понятия (например, добросовестность). Такие понятия не могут однозначно быть переведены на язык программирования, а также интерпретированы как обстоятельства, с которыми связано автоматическое исполнение обязательств. По этому поводу в литературе отмечается, что неопределенные условия, предполагающие человеческое решение, исключают возможность применения смарт-контрактов²⁰. Данное ограничение показывает, что возможность применения смарт-контрактов при составлении корпоративных договоров тесно связана с конкретными обстоятельствами, которые могут быть переведены в код и интерпретированы компьютером. При этом, поскольку информация о таких обстоятельствах может поступать от

различных лиц и информационных ресурсов, на факт заключения договора значительно влияют следующие факторы: 1) определенность обстоятельства, влекущего автоматическое исполнение; 2) источник информации о таком обстоятельстве; 3) система, которая интерпретирует такую информацию. В связи с этим предлагается внести изменения в ст. 432 ГК РФ, дополнив ее нормой, согласно которой при применении смарт-контракта к числу существенных условий договора относятся условия: об обстоятельстве, которое влечет автоматическое исполнение обязательства; об источнике информации о таком обстоятельстве; о системе, которая интерпретирует такую информацию.

Во-вторых, открытыми остаются вопросы о правовых последствиях, которые наступают автоматически в связи с наступлением определенных корпоративным договором обстоятельств. Подчеркнем, что корпоративный договор — собирательное понятие, которое объединяет различные отношения по поводу осуществления корпоративных прав²¹, включая имущественные и организационные отношения. О. В. Гутников обращает внимание на относительную правовую природу субъективного корпоративного права и отмечает тесную зависимость объема и содержания правомочий, входящих в состав субъективного корпоративного права, от организационно-правовой формы и вида конкретного юридического лица, а также положений его учредительных документов²². Можно предположить и обратную зависимость, согласно которой

¹⁸ См.: Werbach K., Cornell N. Contracts ex machina // Duke Law Journal. 2017. Vol. 67. P. 336.

¹⁹ См.: Халфина Р. О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. М., 1954. С. 113.

²⁰ См.: Magnier V., Barban P. Op. cit. P. 214.

²¹ См.: Андреев В. К. Существо корпоративного договора // Модернизация гражданско-правового регулирования договорных отношений: сб. науч. ст. / отв. ред. Л. А. Аксенчук. М., 2014. С. 14.

²² См.: Гутников О. В. К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 64.

разные отношения по осуществлению корпоративных прав объединяет в единое понятие корпоративного договора то, что все они связаны не только с правовым положением участников и других заинтересованных лиц юридического лица, но и с правовым положением юридического лица. В связи с этим автоматическое исполнение обязательств, возникающих из корпоративного договора, будет одновременно влиять на правовое положение участников и иных заинтересованных лиц и на юридическое лицо. Конечно, в классическом понимании исполнение обязательства является способом его прекращения²³, однако одновременно исполнение может порождать другие правовые последствия, выступая в роли юридического факта для иных отношений.

Обращение к ст. 67² ГК РФ отчетливо показывает возможную связь исполнения обязательств из корпоративного договора с наступлением определенного обстоятельства. Например, исполнение может быть связано с голосованием определенным образом, купля-продажа акций или долей может быть обусловлена определенным обстоятельством.

Что касается голосования, то в практике встречаются ситуации, когда стороны заключают корпоративный договор о голосовании по конкретным вопросам определенным образом, а потом голосуют иначе, нарушая тем самым корпоративный договор²⁴. Применение смарт-контракта позволило бы сделать голосование автоматическим. Чтобы исполнение обязательств из корпоративного договора стало неизбежным, результат голосования можно считать сформированным с момента заключения корпоратив-

ного договора. Такой результат голосования в силу конфиденциальности условий корпоративного договора может храниться в тайне от других участников, и при завершении голосования всеми участниками этот результат становился бы доступным для подсчета. Работа такого алгоритма предполагает информационную инфраструктуру деятельности юридических лиц, в рамках которой функционировала бы система голосования с возможностью хранения результатов голосования, согласованных по корпоративному договору, становящихся доступными только в момент завершения голосования всеми участниками. При этом данная система должна предоставлять возможность учитывать результат голосования в виде голоса от каждого участника отдельно, чтобы другие лица не могли обнаружить связей участников акционерного соглашения по их единому результату голосования.

На уровне законов о хозяйственных обществах реализация соответствующих предложений потребует внесения изменений в статьи, связанных с голосованием и подсчетом голосов. В частности, предлагается изменить абз. 2 п. 1 ст. 60 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — ФЗ об АО) и закрепить норму о голосовании с использованием электронного бюллетеня (вместо бумажного), который мог бы размещаться в Интернете. Это позволит всем участникам голосовать через Интернет, а участникам акционерного соглашения — автоматически (даже до общего собрания) формировать голоса, которые, как и голоса остальных акционеров, становились бы доступными для подсчета при завершении голосования.

Другой пример связан с куплей-продажей долей и акций. На практике распространены случаи, когда по поводу такой купли-продажи заключаются корпоративные договоры, исполнение по которым

²³ См.: Кулаков В. В. Прекращение обязательств по гражданскому законодательству России: монография. М., 2015. С. 38.

²⁴ См. определение ВС РФ от 3 октября 2016 г. № 304-ЭС16-11978 по делу № А45-12277/2015.

должно осуществляться при наступлении определенных обстоятельств. Однако при наступлении таких обстоятельств обязательства не исполняются. Для принудительного исполнения необходимо инициировать судебное разбирательство, чтобы доказать наступление определенного обстоятельства и потребовать передать доли (или акции) в уставном капитале общества²⁵. Однако применение смарт-контракта и в данных отношениях позволяет автоматизировать исполнение обязательств.

Наступление определенного обязательства, которым обусловлено исполнение корпоративного договора по поводу купли-продажи долей или акций, влечет комплекс правовых последствий:

1) обязанность сторон корпоративного договора уведомить общество о факте заключения корпоративного договора (п. 4 ст. 67² ГК РФ). При этом обязанность раскрыть информацию о факте заключения корпоративного договора в публичном акционерном обществе возлагается и на общество (ст. 92 ФЗ об АО, ст. 75¹ Положения о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг²⁶). Автоматическое исполнение позволит снять информационные обязанности как со сторон корпоративного договора, так и с юридического лица;

2) передача долей или акций. Если речь идет о купле-продаже доли, то исполнение предполагает нотариальное удостоверение сделки, направление нотариусом в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, заявления о внесении изменений в ЕГРЮЛ в связи с переходом доли и

последующие действия регистрирующего органа по внесению изменений в ЕГРЮЛ (п. 14 ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — ФЗ об ООО), п. 1⁴ ст. 9 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»), поскольку переход доли связан с моментом внесения соответствующей записи в ЕГРЮЛ (п. 12 ст. 21 ФЗ об ООО). Представляется, что автоматизация перехода доли может предполагать при наступлении обязательства, предусмотренного корпоративным договором, автоматическое внесение изменений в ЕГРЮЛ, которые становятся действительными с момента их нотариального удостоверения и государственной регистрации.

В свою очередь, купля-продажа акций предполагает наличие лицевого счета покупателя, составление передаточного распоряжения, на основании которого регистратор (депозитарий) вносит запись в реестр акционеров. В настоящее время без проведения институциональных изменений автоматизация позволит при наступлении обстоятельства, предусмотренного корпоративным договором, автоматически отправлять заявку на открытие лицевого счета (при необходимости) и при его открытии без составления передаточного распоряжения (ибо все условия уже предусмотрены корпоративным договором) вносить сведения в реестр акционеров, которые станут действительными при их одобрении регистратором (депозитарием);

3) осложнение исполнения обязательств, возникающих из корпоративного договора, необходимостью получения предварительного согласия антимонопольного органа в рамках государственного контроля за экономической концентрацией (ст. 28, 29 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О за-

²⁵ См. определение ВС РФ от 20 сентября 2017 г. № 305-ЭС17-12471 по делу № А40-42442/2016; постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27 июля 2017 г. № Ф01-2352/2017 по делу № А11-3028/2016.

²⁶ Утв. Банком России 30 декабря 2014 г. № 454-П.

щите конкуренции»). Автоматизация позволит при наступлении обстоятельства, предусмотренного корпоративным договором, автоматически сообщать в антимонопольный орган о необходимости согласования корпоративного договора с предоставлением доступа к такому договору. Представляется, что согласование антимонопольным органом необходимо квалифицировать как юридический факт, при наличии которого автоматически станут действительны изменения в ЕГРЮЛ (при продаже долей) или изменения в реестре акционеров (при продаже акций);

4) оплата приобретенных долей или акций. Данное последствие является наиболее разработанным в трудах ученых, которые исследуют исполнение обязательств, возникающих из смарт-контрактов. Автоматизация позволит мгновенно оплачивать доли или акции при их переходе, если иные режимы оплаты (отсрочка, рассрочка и т. д.) не будут предусмотрены самим договором;

5) особые последствия для покупателя при приобретении более 30% акций публичного общества. Если лицо приобретает 30% акций публичного общества, оно сталкивается с необходимостью направления обязательного предложения (ст. 84² ФЗ об АО); если лицо приобретает более 95% акций публичного общества, оно обязано направить владельцам ценных бумаг, имеющим право требовать выкупа ценных бумаг, уведомление о наличии у них такого права (ст. 84⁷ ФЗ об АО). Кроме того, в рамках государственного контроля за приобретением акций публичного общества приобретатели акций обязаны предварительно уведомить Банк России до направления указанных предложений и уведомлений в публичное общество (ст. 84⁹ ФЗ об АО). Применение смарт-контракта позволит автоматически направлять такие документы в адрес акционерного общества с условием обязательного согласования Банком

России. При отсутствии со стороны Банка России предписания о приведении данных документов в соответствие с требованиями закона (при истечении срока 15 дней) данные документы будут автоматически доступны для акционерного общества и его участников;

6) обязанность уведомления публичного акционерного общества о факте приобретения лицом права определять порядок голосования на общем собрании акционеров по акциям такого публичного общества, если в результате такого приобретения это лицо самостоятельно или совместно со своими аффилированными лицом или лицами прямо либо косвенно получает возможность распоряжаться более чем 5, 10, 15, 20, 25, 30, 50 или 75% голосов по размещенным обыкновенным акциям публичного общества (п. 5 ст. 32¹ ФЗ об АО). Направление данного уведомления также можно автоматизировать;

7) необходимость изменений в списке аффилированных лиц при приобретении определенного количества долей или акций (см. ст. 93 ФЗ об АО). Автоматизация позволит исключить действия лиц по ручному изменению данного списка;

8) потенциальное изменение в списке лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционерного общества, при приобретении акций (ст. 51 ФЗ об АО). Это также поддается автоматизации;

9) иные последствия, предусмотренные законом (гражданско-правовые, налоговые, процессуальные и т. д.) или сформированные по инициативе сторон договора.

Поскольку необходимые последствия, которые предусмотрены законом, будут наступать автоматически, выполнение тех или иных действий, характерных для традиционного исполнения обязательств, можно не вменять в права и обязанности сторон корпоративного договора и юридического лица, а значит, и формулировки об исполнении обязательств «вручную» логично ис-

ключить из нормативных правовых актов. Такой подход существенно изменит строение нормативных правовых актов, в которых будут закрепляться скорее связи правовых последствий с определенными основаниями, чем права и обязанности участников оборота, предусматривающие совершение определенных действий, что свойственно исполнению обязательств «вручную».

Кроме того, стороны корпоративного договора в силу свободы договора могут обусловить автоматическим исполнением обязательств, возникающих из корпоративного договора, и другие последствия, которые могут быть связаны с иными договорными отношениями. В литературе отмечается, что смарт-контракты могут быть взаимосвязаны для создания сложной организации, где проверка первого исполнения необходима для исполнения второго и последующих обязательств, что позволяет исполнять все обязательства мгновенно и снижать транзакционные издержки²⁷. Тем самым в смарт-контракте можно предусмотреть полноценную сеть договоров, которые будут автоматически заключаться и (или) изменяться и (или) прекращаться при наступлении определенных обстоятельств. В этом смысле договорные отношения лиц уместно воспринимать с позиций разработанной Г. Тойбнером теории сетевого договора, которая основывается на том, что «договоры не следует изолировать один от другого, они образуют единую социальную систему, т. е. сеть»²⁸.

Поскольку динамика корпоративных договоров существенно влияет на динамику сведений о юридических лицах и их участниках, отра-

жающихся в государственных реестрах и иных информационных ресурсах, для автоматического наступления указанных последствий необходимо обеспечить их синхронизацию (взаимосвязь и одновременное функционирование, в том числе обновление). Кроме того, динамика корпоративных договоров затрагивает динамику иных договоров (при наличии сети договоров), сторонами которых выступают как участники юридического лица, так и само юридическое лицо. В связи с этим необходима синхронизация всех договоров, которые связаны с корпоративным договором.

В то же время вопрос о такой синхронизации множества информационных ресурсов (ЕГРЮЛ, реестр акционеров, списки аффилированных лиц, учредительные документы и т. д.) может быть снят за счет формирования единой системы раскрытия сведений о юридических лицах²⁹, в рамках которой сведения о юридических лицах будут отражаться в сети Интернет в отдельных профилях, состоящих из определенного набора параметров (наименование, место нахождения, размер уставного капитала, аффилированные лица и др.). Однако реализация данного предложения требует существенного пересмотра действующего правового регулирования. В связи с этим вместо норм в различных нормативных правовых актах, предусматривающих отдельные информационные ресурсы для отражения какой-либо специальной информации о юридических лицах, предлагается принять федеральный закон «О единой системе раскрытия сведений о юридических лицах», который бы обеспечил информационную инфраструктуру деятельности юридических лиц в условиях цифровой

²⁷ См.: *Magnier V., Barban P.* Op. cit. P. 193.

²⁸ Цит. по: *Кирпичев А. Е.* Неклассические теории договора (договор-обещание, дискретные, реляционные и сетевые договоры) в контексте новой редакции ГК России // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2016. № 2. С. 51—58.

²⁹ См.: *Ефимов А. В.* К вопросу о необходимости формирования единой системы раскрытия сведений о юридических лицах в условиях цифровой экономики // *Право и экономика.* 2018. № 10. С. 48—52.

экономики. Конкретизация норм ГК РФ об исполнении обязательств обеспечивалась бы закреплением в данном законе норм об автоматическом наступлении последствий и их раскрытии в связи с исполнением корпоративных договоров.

Подводя итог, отметим, что конкретизация права в части регулирования исполнения обязательств, возникающих из корпоративных договоров, в условиях цифровой экономики обусловлена как новыми технологиями, так и спецификой отношений, вытекающих из указанных договоров. При выработке норм об исполнении обязательств, возникающих из корпоративных договоров, в условиях цифровой экономики на уровне ГК РФ и их конкретизации на уровне специальных законов необходимо: 1) внести изменения в ст. 432 ГК РФ, дополнив ее нормой, что при применении смарт-контракта к числу существенных условий договора относятся условия:

об обстоятельстве, которое влечет автоматическое исполнение обязательства; об источнике информации о таком обстоятельстве; о системе, которая интерпретирует такую информацию; 2) в специальных законах о хозяйственных обществах и иных нормативных правовых актах императивно определить необходимые правовые последствия, которые наступают при автоматическом исполнении обязательств, возникающих из корпоративных договоров, а также предусмотреть возможность наступления последствий, которые могут быть указаны в корпоративных договорах по инициативе сторон; 3) принять федеральный закон «О единой системе раскрытия сведений о юридических лицах», который обеспечит деятельность юридических лиц и заинтересованных лиц в современной информационной инфраструктуре, отвечающей требованиям развития цифровой экономики.

Библиографический список

Corrales M., Fenwick M., Haapio H. Digital Technologies, Legal Design and the Future of the Legal Profession // Legal Tech, Smart Contracts and Blockchain / ed. by M. Corrales, M. Fenwick, H. Haapio. Springer Nature Singapore Pte Ltd., 2019.

Fenwick M., Vermeulen E. P. M. The Lawyer of the Future as “Transaction Engineer”: Digital Technologies and the Disruption of the Legal Profession // Legal Tech, Smart Contracts and Blockchain / ed. by M. Corrales, M. Fenwick, H. Haapio. Springer Nature Singapore Pte Ltd., 2019.

Magnier V., Barban P. The potential impact of blockchains on corporate governance: a survey on shareholders' rights in the digital era // InterEuLawEast. 2018. Vol. 2.

Olivier G., Jaccard B. Smart Contracts and the Role of Law // Jusletter IT 23. November 2017.

Szabo N. Smart Contracts. URL: <https://web.archive.org/web/20011102030833/http://szabo.best.vwh.net:80/smart.contracts.html> (дата обращения: 12.06.2019).

Werbach K., Cornell N. Contracts ex machina // Duke Law Journal. 2017. Vol. 67.

Аналитический обзор по теме «смарт-контракты». М., 2018.

Андреев В. К. Существо корпоративного договора // Модернизация гражданско-правового регулирования договорных отношений: сб. науч. ст. / отв. ред. Л. А. Аксенчук. М., 2014.

Волос А. А. Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. 2018. № 12.

Гутников О. В. К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права // Журнал российского права. 2017. № 3.

Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М., 2018.

Ефимов А. В. К вопросу о необходимости формирования единой системы раскрытия сведений о юридических лицах в условиях цифровой экономики // Право и экономика. 2018. № 10.

Ефимова Л. Г., Сизимова О. Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1.

Забоев К. И. Принцип свободы договора в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002.

Кирпичев А. Е. Неклассические теории договора (договор-обещание, дискретные, реляционные и сетевые договоры) в контексте новой редакции ГК России // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2016. № 2.

Кирпичев А. Е., Кондратьев В. А. Предпринимательское право: курс лекций. М., 2017.

Кондратьев В. А. Заключение договора // *Российское правосудие*. 2016. № 1.

Кулаков В. В. Прекращение обязательств по гражданскому законодательству России: монография. М., 2015.

Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // *Вестник гражданского права*. 2016. № 3.

Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // *Закон*. 2017. № 5.

Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // *Журнал российского права*. 2018. № 1.

Халфина Р. О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. М., 1954.

Specification of the Norms on the Execution of Corporate Contracts in the Digital Economy

A. V. Efimov, Russian State University of Justice, Moscow 117418, Russian Federation

E-mail: av_efimov@inbox.ru

DOI: 10.12737/jrl.2020.080

The article deals with the problems of specification of law, which is aimed at regulating contractual relations that are emerging in the context of building a digital economy. In particular, these relations are characterized by the use of technical means that allow the execution of obligations automatically, without direct human participation (smart contracts). Since this article examines corporate contracts, it seems problematic to adopt special rules not only at the level of the Civil Code of the Russian Federation, but also at the level of individual laws on legal entities, what is covered by the concept of specification of law.

In this article the goal is to develop theoretical provisions on the factors and further directions for specification of norms on the execution of corporate contracts in the digital economy. The studied objectives assess the impact of digitalization on the execution of corporate contracts; identify the specifics of corporate contracts and show the benefits of applying to them the design of a smart contract; outline the main directions of specification of norms on the execution of corporate contracts in the digital economy.

For such purposes the author applies both general scientific methods (systemic, functional, group of logical methods (deduction, induction, analysis, synthesis, etc.)) and special legal methods (formal legal, comparative legal, legal modeling method).

As a result, the author comes to the conclusion that the specification of the law in terms of regulating the execution of corporate contracts in the digital economy is due to both new technologies and the specifics of corporate contracts. The author concludes that it is necessary to introduce special regulation both at the level of the Civil Code of the Russian Federation and at the level of individual laws that relate to 1) the functioning of oracles, 2) the determining the list of necessary and possible legal consequences of the execution of corporate contracts, 3) the formation of a unified system of disclosure of information on legal entities.

Keywords: specification of law, execution of obligations, digital economy, shareholders' agreement, smart-contract.

For citation: Efimov A. V. Specification of the Norms on the Execution of Corporate Contracts in the Digital Economy. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2020, no. 7, pp. 52—64. DOI: 10.12737/jrl.2020.080 (In Russ.)

References

- Analiticheskiy obzor po teme “smart-kontrakty”. Moscow, 2018.
- Andreev V. K. Sushchestvo korporativnogo dogovora. *Modernizatsiya grazhdansko-pravovogo regulirovaniya dogovornykh otnosheniy*. Ed. by L. A. Aksenchuk. Moscow, 2014.
- Corrales M., Fenwick M., Haapio H. Digital Technologies, Legal Design and the Future of the Legal Profession. *Legal Tech, Smart Contracts and Blockchain*. Ed. by M. Corrales, M. Fenwick, H. Haapio. Springer Nature Singapore Pte Ltd., 2019.
- Efimov A. V. K voprosu o neobkhodimosti formirovaniya edinoi sistemy raskrytiya svedeniy o yuridicheskikh litsakh v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki. *Pravo i ekonomika*, 2018, no. 10.
- Efimova L. G., Sizemova O. B. Pravovaya priroda smart-kontrakta. *Bankovskoe pravo*, 2019, no. 1.
- Ershov V. V. Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy. Moscow, 2018.
- Fenwick M., Vermeulen E. P. M. The Lawyer of the Future as “Transaction Engineer”: Digital Technologies and the Disruption of the Legal Profession. *Legal Tech, Smart Contracts and Blockchain*. Ed. by M. Corrales, M. Fenwick, H. Haapio. Springer Nature Singapore Pte Ltd., 2019.
- Gutnikov O. V. Addressing the Legal Nature of Corporate Rights. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2017, no. 3, pp. 54—64. (In Russ.)
- Khabrieva T. Y., Chernogor N. N. The Law in the Conditions of Digital Reality. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 1, pp. 85—102. (In Russ.)
- Khalfina R. O. Znachenie i sushchnost' dogovora v sovetskom sotsialisticheskom grazhdanskom prave. Moscow, 1954.
- Kirpichev A. E. Neklassicheskie teorii dogovora (dogovor-obeshchanie, diskretnye, relyatsionnye i setevye dogovory) v kontekste novoy redaktsii GK Rossii. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2016, no. 2.
- Kirpichev A. E., Kondrat'ev V. A. Predprinimatel'skoe pravo. Moscow, 2017.
- Kondrat'ev V. A. Zaklyuchenie dogovora. *Rossiyskoe pravosudie*, 2016, no. 1.
- Kulakov V. V. Prekrashchenie obyazatel'stv po grazhdanskomu zakonodatel'stvu Rossii: monografiya. Moscow, 2015.
- Magnier V., Barban P. The potential impact of blockchains on corporate governance: a survey on shareholders' rights in the digital era. *InterEuLawEast*, 2018, vol. 2.
- Olivier G., Jaccard B. Smart Contracts and the Role of Law. *Jusletter IT* 23. November 2017.
- Savel'ev A. I. Dogovornoe pravo 2.0: “umnye” kontrakty kak nachalo kontsa klassicheskogo dogovornogo prava. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2016, no. 3.
- Savel'ev A. I. Nekotorye pravovye aspekty ispol'zovaniya smart-kontraktov i blokcheyn-tehnologiy po rossiyskomu pravu. *Zakon*, 2017, no. 5.
- Szabo N. Smart Contracts. Available at: <https://web.archive.org/web/20011102030833/http://szabo.best.vwh.net:80/smart.contracts.html> (accessed 12.06.2019).
- Volos A. A. Smart-kontrakty i printsipy grazhdanskogo prava. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2018, no. 12.
- Werbach K., Cornell N. Contracts ex machina. *Duke Law Journal*, 2017, vol. 67.
- Zaboev K. I. Printsip svobody dogovora v rossiyskom grazhdanskom prave. Cand. diss. Ekaterinburg, 2002.
-
-